

№

АНТРАКТЪ

18.

Антрактъ выходитъ ежедневно. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: По поводу бенефиса г. Ѳедотова. — Бенефисъ г. Савелова. — Артистическій Кружокъ. — Смѣсь. (Высочайшія награды. Подарки. О театрѣ Петровскаго парка. Одобренныя пѣсы. Новая опера. О новомъ балетѣ. Балетная труппа въ Вильнѣ. Извѣстіе о г-жѣ Гранцовой. Новые переводы Шекспира. Процессъ за фотографическія карточки). — Некрологъ (А. М. Геденовъ).

ПО ПОВОДУ БЕНЕФИСА Г. ѲЕДОТОВА.

Сила преданія — великая сила. Какая бы огромная часть того общечеловѣческаго достоянія, которое преемственно наследуется потомками отъ предковъ, оказалась недоступною и сгинувшею, если бы сила преданія вдругъ перестала быть силою дѣйствующею! Нѣтъ рода, нѣтъ сферы человѣческой дѣятельности, которая въ большей или меньшей степени не нуждалась-бы для увѣковѣченія своей производительности въ охраняющей силѣ преданія. Мы называемъ силу преданія — *охраняющею* силою, такъ какъ ею возмѣщается несовершенство человѣческой памяти и недолговѣчность матерьяльнаго существованія. Искусства также нуждаются въ этой охраняющей силѣ и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ менѣе прочны и надежны матерьялы, которымъ то или другое искусство располагаетъ. А какое искусство болѣе драматическаго *тиснетъ на водѣ*? Какое искусство, какъ не драматическое, имѣетъ въ средствахъ своихъ менѣе надежный и болѣе непрочный матерьялъ? Произведенія искусствъ словеснаго и тоническаго — живучи, благодаря тому, что слово и звукъ имѣютъ для выраженія своего совершенно опредѣленные знаки, въ которыхъ сохраняются и проходятъ они черезъ цѣлыя тысячелѣтія; пластическія искусства вѣдряютъ произведенія свои камню, дереву, металламъ, краскамъ, — также матерьяламъ болѣе или менѣе прочнымъ, способнымъ сохраняться въ теченіе очень продолжительныхъ періодовъ времени. Матерьялъ драматическаго искусства, которое, по всѣмъ правамъ, должно быть отнесено къ искусствамъ пластическимъ, заключается въ живомъ человѣкѣ; а многое ли на свѣтѣ скоротечнѣе и случайнѣе жизни человѣческой? Мудрено-ли по этому, что о какой-нибудь, тремя тысячелѣтіями отдѣленной отъ насъ хеопсовою пирамидѣ мы знаемъ болѣе, чѣмъ иногда объ актерѣ, три десятилѣтія тому назадъ сошедшемъ со сцены. Мы, напр., почти невидѣвшие Мочалова, или видѣвшие его въ очень раннемъ дѣтствѣ, не имѣемъ и, къ сожалѣнію, не можемъ составить себѣ понятія объ этомъ

геніальномъ дѣятелѣ московской сцены не только по слухамъ и разговорамъ о немъ, но даже и по такимъ статьямъ Вѣлинскаго, какъ напр. статья его: «Мочаловъ въ роли Гамлета», статья, которая намъ, не имѣющимъ возможности проверить и дополнить ее личными впечатлѣніями, кажется полною неприемлемыхъ противорѣчій. Со смертію актера исчезаютъ со сцены и всѣ созданныя и игранныя имъ роли его; память объ этихъ роляхъ живетъ еще нѣкоторое время въ видѣвшихъ игру умершаго актера и наслаждавшихся ею, но туго сообщается путемъ простаго пересказа невидавшимъ его, и можно безъ ошибки сказать, что произведенія творчества актера вымираютъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ его современниковъ. Нужно ли однако жалѣть объ этомъ и можно-ли этому помочь чѣмъ-нибудь? Нужно и можно. На всякой мало-мальски установившейся и не безъ года недѣлк просуществовавшей сценѣ могутъ и должны быть такія драматическія произведенія, которыя составляютъ ея лучшее достояніе, ея на вѣчныя времена положенный капиталъ, ея гордость и украшеніе. Будетъ ли кто-нибудь сомнѣваться, что успѣхъ всякаго драматическаго произведенія всегда и непременно обуславливается столько-же достоинствами самаго произведенія, сколько и достоинствами сценическаго исполненія? Развѣ не у каждаго изъ насъ на готовѣ много примѣровъ того, что нерѣдко одною и тою же ролю одинъ актеръ приводитъ зрителей въ восторгъ, а другой наводитъ на нихъ неописанную скуку? Итакъ, не слѣдуетъ ли изъ этого, что чѣмъ болѣе цѣнно то или другое драматическое произведеніе, чѣмъ болѣе дорожить имъ та или другая сцена, тѣмъ болѣе эта сцена должна обезпечить за такимъ произведеніемъ на возможно продолжительное время его успѣхъ? А чѣмъ можетъ она достигнуть этого, какъ не сохраненіемъ условій того первоначальнаго исполненія, которому драматическое произведеніе на половину было обязано своимъ успѣхомъ? Съ текстомъ произведенія ничего не сдѣлается, онъ останется во всей его неприкосновенности; но кто поручится, чтобы новая жизнь, внесенная новымъ исполните-

лемъ въ старую роль, не извратила этой роли? Чего же однако можетъ требовать сцена отъ новаго исполнителя старой роли, удачно созданной и хорошо обигранной первоначальнымъ исполнителемъ ея: умершимъ или почему-либо выбывшимъ со сцены? Прежде всего и больше всего — возможной близости новаго исполнителя къ прежнему. То-есть, копія?—спросятъ насъ. Да, копія,—но копія хорошей и вполне художественной. Слова нѣтъ, что какъ во всѣхъ искусствахъ вообще, такъ и въ драматическомъ, одна и та-же тема можетъ вызвать нѣсколько произведеній, изъ которыхъ каждое, удерживая за собою всю своеобразность и оригинальность, можетъ не походить на другія и въ тоже время не уступать имъ въ достоинствахъ. Можетъ случиться, что позднѣйшій исполнитель совершенно своеобразнымъ воспроизведеніемъ старой роли превзойдетъ своего предшественника; но есть ли достаточное основаніе предполагать, что такіе случаи могутъ повторяться часто, и не придавать имъ характера исключительности? Едва-ли. Дѣло въ томъ, что въ первоначальной постановкѣ пьесы, въ первоначальномъ воспроизведеніи ролей ея актеры участвуютъ болѣею частью вмѣстѣ съ ея авторомъ и, восполняя собою его, въ свою очередь какъ бы восполняются имъ. Отсюда несомнѣнно, что на первоначальное исполненіе пьесы тратится всего болѣе творческихъ силъ, воображенія, изобрѣтательности, наконецъ вниманія и энергіи. Уже по одному этому, стадо быть, не должна-ли сцена дорожить не только общимъ этого первоначальнаго исполненія, но и всѣми деталями его? И не заслуживаетъ ли всякаго уваженія и одобренія подобное стремленіе сцены упрочить успѣхъ, приобретенный цѣною многихъ совмѣстныхъ усилій и трудовъ? Но за тѣмъ можетъ оказаться умѣстнымъ цѣлый рядъ вопросовъ. Да будетъ ли въ цѣляхъ драматическаго искусства требовать отъ актера только простой копіи? Удерживается-ли за нимъ такимъ требованіемъ свобода его какъ творящаго художника? Остается ли возможнымъ для него при этомъ условіи — наслажденіе его произведеніемъ? Не задумываемся отвѣчать на это утвердительно: да, да и да! Напомнимъ еще разъ, что мы говоримъ о копіи художественной. Развѣ такая художественная копія, напр., съ одной изъ лучшихъ мадоннъ Рафаэля не можетъ быть прекрасною темою для художника-живописца и не въ цѣляхъ живописнаго искусства? Развѣ художникъ-живописецъ, копирующий образцовое произведеніе живописца, не проникается самъ тою свободою творчества, которую полно копируемое имъ произведеніе? И развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, при воспроизведеніи образцоваго оригинала, художникъ-живописецъ, по мѣрѣ усвоенія красотъ своего образца, не испытываетъ высокаго наслажденія? Мы взяли примѣръ изъ области живописнаго искусства; но значеніе художественной копіи въ живописи блѣднѣетъ передъ значеніемъ художественной копіи въ драматическомъ искусствѣ, въ основахъ, въ цѣляхъ и въ средствахъ котораго прежде всего лежитъ *подражаніе*. Къ тому же развѣ репертуаръ какого-либо актера можетъ состоять сплошь только изъ

такихъ ролей, въ которыхъ ему приходится идти по слѣдамъ предшественниковъ его? Развѣ въ большей части ролей ему не приходится самому прокладывать слѣды и развѣ не обширное поле всегда открыто передъ нимъ для его, вполне самостоятельнаго творчества? Наконецъ, развѣ не честно и не достойно художника актера продолжать существованіе художественнаго произведенія своего предшественника и товарища по искусству и развѣ, принимая на себя передачу и сохраненіе созданнаго другимъ, актеръ не въ правѣ рассчитывать, что и созданное имъ не погибнетъ съ его смертію и также въ возможно-близкой копіи будетъ жить для послѣдующихъ поколѣній? Удивляется-ли послѣ этого, что нынѣ лучшія сцены, какъ напр., сцена парижскаго «Французскаго театра» (бывшаго Театра «Французской комедіи», свято и нерушимо блюдутъ свои сценическія традиціи, завѣщанныя имъ дѣятелями времени давно миновавшихъ, и находятъ въ этихъ традиціяхъ крѣпость и силу? Все важное значеніе охраняющей силы сценической традиціи начинаетъ пониматься наконецъ и дѣятелями русскихъ сценъ. И въ репертуарѣ русскихъ сценъ есть нѣсколько (правда, очень и очень немногихъ) такихъ произведеній, которыми исчерпывается вся гордость и слава этихъ сценъ и по отношенію къ которымъ сценическое преданіе должно найти себѣ полнѣйшее приложеніе. Такими драгоценностями русскихъ сценъ являются комедіи Гоголя и Грибоедова, первоначальное исполненіе которыхъ получило совершенно заслуженную извѣстность, особенно исполненіе ихъ на московской сценѣ. Но со времени перваго появленія этихъ комедій на нашей сценѣ наша драматическая труппа сильно видоизмѣнилась въ своемъ составѣ и ряды первоначальныхъ исполнителей этихъ комедій рѣдѣютъ чуть-что не съ каждымъ годомъ. Что же остается дѣлать новымъ исполнителямъ образцовыхъ ролей, облеченныхъ публикою въ пріятномъ искусствѣ исполненія? Не лежитъ ли на нихъ прежде всего обязанность попытаться воспроизвести это искусное прежнее исполненіе по возможности, хотя бы отчасти сберечь для публики то, что вызвало ея лучшія и дорогія симпатіи? Само собою разумѣется, что мы не устранимъ вмѣстѣ съ тѣмъ попытокъ совершенно самостоятельнаго воссозданія такихъ образцовыхъ ролей: серьезная попытка въ этомъ родѣ всегда—почтенна и интересна; но за попытками въ первомъ родѣ—больше необходимости. Мы помнимъ, въ свое время насъ сильно заинтересовала затѣя г. Колосова въ одинъ изъ его прежнихъ бенефисовъ дать «Ревизора» въ новомъ исполненіи; но, признаемся, мы болѣе обрадовались и придавали болѣе важности намѣренію г. Федотова дать въ первый бенефисъ его «Ревизора» съ тѣмъ, чтобы возвратитъ однимъ ролямъ ихъ прежнихъ исполнителей, а другимъ ролямъ дать исполнителей новыхъ, болѣе подходящихъ къ нимъ по своимъ средствамъ и болѣе надежныхъ. Давно, очень давно уже чувствовалась настоятельная потребность подумать объ этомъ, потому что исполненіе «Ревизора» въ послѣдніе годы съ каждымъ разомъ почти все болѣе и болѣе спа-

дало съ цѣны и все дальше отходило достоинствомъ отъ первоначальнаго исполненія, отъ того исполненія, которое, можетъ быть, прежде всего вызвало симпатіи Гоголя къ Москвѣ и заставило его въ одномъ изъ писемъ его къ Погодину сказать, что *Москва больше расположена къ нему* (V, 261). Попытка г. Федотова представляется намъ очень почтенною и серьезною; посмотримъ, на сколько удалась она.

Главнѣйшій интересъ бенефиснаго спектакля сосредоточивался, разумѣется, на новомъ исполнителѣ роли Городничаго, г. Самаринѣ. Новому исполнителю старой и при томъ классической роли, удачно созданной и обыгранной прежнимъ исполнителемъ, предстоитъ выбрать одно изъ двухъ: отрѣшившись, на сколько это возможно, отъ прежняго исполненія роли, воспроизвести ее совершенно самостоятельно и своеобразно; или же идти дорогою проложенною и ограничиться усвоеніемъ и искусною передачею уже готоваго. Первая задача, конечно, несравненно обширнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо рискованнѣе; а рискованнѣе она, какъ потому, что предполагаетъ въ актерѣ, берущемся за ея рѣшеніе, слишкомъ большую увѣренность въ его силахъ, такъ и потому еще, что едва ли можно въ такой мѣрѣ отрѣшиться отъ хорошаго чужаго образца, чтобы совершенно удержаться отъ подражанія ему и произвести что нибудь болѣе образцовое и лучшее свое. Къ тому же сила перваго впечатлѣнія такъ велика, что Гоголь имѣлъ полное право бояться дать свою комедію въ руки актерамъ прежде, нежели онъ самъ прочтетъ ее имъ; *если они прочтутъ безъ меня*,—пишетъ онъ къ Погодину (21 февр. 1836) — *то уже трудно будетъ переучить ихъ на мой ладъ*; а въ письмѣ къ Щепкину (29 апр. 1836) говорить: *хотѣлъ послать къ вамъ «Ревизора», но раздумалъ, желая самъ привесть къ вамъ и прочитать собственноручно, дабы о некоторыхъ лицахъ не составили заблаговременно превратныя понятія, которыя—я знаю—чрезвычайно трудно потомъ искоренить*. Взяться за рѣшеніе первой изъ выше названныхъ двухъ задачъ, задачи очень трудной, принужденъ былъ г. Садовскій, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще при жизни Щепкина, принялъ на себя роль Городничаго. Положеніе его было очень невыгодное. Подражать Щепкину и явиться коіею живаго еще въ то время оригинала—было бы до крайности безцѣльно. Г. Садовскій понялъ это и всѣчески старался (мы намѣренно подчеркиваемъ это слово) удерживаться отъ подражанія; но къ чему же привело артиста это стараніе? Почти все живое, эффектное роли исчезло чуть-что не безслѣдно, отъ чего роль поблѣднѣла, высохла и изъ голодеческаго городничаго-холерика вышелъ скучный флегматикъ. Подъ тяжестью задачи сломилась и такая крѣпкія силы, какъ силы комическаго таланта г. Садовскаго. Въ совершенно иномъ и гораздо болѣе выгодномъ положеніи находился г. Самаринъ, когда принимался за роль Городничаго для бенефиса г. Федотова. Щепкина нѣтъ въ живыхъ; идти дальше его въ исполненіи роли, честь воссозданія которой по-

койный артистъ раздѣлилъ съ авторомъ комедіи,—не легко, если только возможно: на глазахъ примѣръ неудачной попытки г. Садовскаго. Что же отставалось дѣлать г. Самарину, какъ не подумать о посильной передаче роли въ томъ видѣ, въ какомъ создана она ея первымъ исполнителемъ? По пословицѣ: отъ добра добра не ищутъ;—и онъ придержался щепкинскихъ традицій. Припомнимъ въ подробностяхъ игру покойнаго артиста въ роли Городничаго, его приемы, его пониманіе отдѣльных мѣстъ роли, г. Самаринъ позаботился объ усвоеніи и выразительной передачѣ всего этого. — Въ первой половинѣ перваго дѣйствія г. Самаринъ какъ будто еще не совсемъ освоился съ положеніемъ своей роли и слишкомъ строго-внушительнымъ тономъ, черезчуръ по начальнически разговаривалъ съ чиновнымъ людемъ города, съ людемъ, къ которому Городничій не можетъ относиться слишкомъ свысока по одному тому уже, что онъ со всѣми остальными городскими администраторами начнется, такъ сказать, въ одной грязи, чего не можетъ не сознавать онъ, и всѣ его внушенія поэтому должны имѣть характеръ скорѣе зовѣтовъ, чѣмъ приказаній. Въ тоиъ его собесѣдованіи болѣе должно слышаться завсѣваюніе, чѣмъ требованіе: вѣдь онъ неравнодушенъ къ различнымъ частямъ городской администраціи только потому, что не можетъ быть въ этомъ отношеніи совершенно безответенъ и можетъ пострадать изъ за другихъ столько же, сколько и изъ за самого себя. Это завсѣваніе сказывается отчасти и въ томъ, что, обнаруживая передъ своими сослуживцами извѣстные ему возмутительные безпорядки въ отдѣльных частяхъ городского управления, онъ старается золотить каждую пилюлю и всякой мерзости подыскать какое-нибудь оправдывающее, смягчающее ее обстоятельство. Мы, можетъ быть, ошибались; но намъ казалось, что въ началѣ пьесы г. Самаринъ думалъ еще не столько о роли, сколько о томъ, что масса зрителей, наполнившихъ на этотъ вечеръ театръ, собралась чуть ли не болѣе всего смотрѣть его, новаго Городничаго, и это естественное чувство какъ будто нѣсколько мѣшало ему вырести на просторѣ роли. Но со второй половины перваго дѣйствія, т. е. съ прихода Добчинскаго и Бобчинскаго, г. Самаринъ вошелъ въ роль. Сильно возбужденное состояніе и весь переполохъ растерявшагося градоначальника онъ передалъ съ тою живостью и съ тѣмъ разнообразіемъ, которыя пріятно напомнили щепкинскую игру въ этомъ мѣстѣ роли. Только на первый разъ онъ въ попыхахъ и горячности Городничаго позабылъ сообразоваться съ своими средствами, такъ что въ концѣ дѣйствія едва могъ говорить и съ трудомъ переводилъ дыханіе. Во второмъ дѣйствіи, въ сценахъ съ Хлестаковымъ, въ смиреніи Самаринскаго Городничаго, было слишкомъ много искренности и напускное простосердечіе его отзывалось болѣе истинною, чѣмъ притворствомъ, которое входило въ расчетъ автора, а потому должно входить и въ расчетъ актера. Комическое положеніе Городничаго—поло-

женіе волка въ овечьей шкурѣ. Градоначальникъ притворяется; градоначальникъ актерствуетъ; градоначальникъ пускаете въ ходъ искусство, помогше ему *трехъ губернаторовъ обмануть, мошенниковъ надъ мошенниками обманывать*. Г. Самаринъ почти не выдавалъ притворства Городничаго даже и тономъ тѣхъ немногихъ фразъ, которыя произноситъ онъ въ сторону, тогда какъ при одной изъ этихъ фразъ даже въ текстѣ пьесы авторомъ сдѣлана ремарка, что городничій произноситъ эту фразу: *въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе*. Недостатокъ этой ироніи и лукавства до нѣкоторой степени обезцвѣтилъ во 2 дѣйствіи роль Городничаго, которая, впрочемъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ была ведена и въ этомъ дѣйствіи довольно умно. Особенно недурно выразились вкрадчивость и раболѣніе передъ влиятельнымъ человекомъ. Начиная съ 3-го дѣйствія и до конца пьесы игра г. Самарина особенно напоминала щепкинскую игру и довольно близко подходила къ ней. Во время разсказа Хлестакова г. Самаринъ, правда, сѣлъ, не по серединѣ комнаты, какъ сажился покойный Щепкинъ, а на креслѣ, стоящемъ у стѣны, но зато—сперва довольство собою и тѣмъ, что удалось задобрить угощеніемъ нужнаго человѣчка, а потомъ оробѣлость, трусливая дрожь, замасливаніе Осипа, отводы жены и дочери, отъ Осипа въ три разнообразныхъ приѣма, хожденіе на цыпочкахъ, даже выразительное движеніе правой ноги въ указаніе, какъ слѣдуетъ выпроваживать просителей,—все это было довольно искусною копіею съ очень памятнаго оригинала. Въ озабоченности и встревоженности, съ которою влетѣлъ городничій—Самаринъ въ 4-мъ дѣйствіи, также чувствовалось много щепкинскаго; но въ борьбѣ страха съ неожиданною радостью у г. Самарина не достало, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать,—щепкинскаго комизма; онъ не сланилъ съ передачею той, до нельзя комичной очумѣлости, въ которую у Щепкина приходилъ почти моментально Городничій, въ распахъ застигнутый предложеніемъ Хлестакова, хотя г. Самаринъ перенялъ тутъ даже у Щепкина и то состояніе столбняка, въ которомъ покойный артистъ какъ бы деревенѣлъ на нѣсколько минутъ всѣмъ корпусомъ и только махалъ кистями рукъ, вытянутыхъ по швамъ, да слегка кивалъ головой. По щепкински выразительно, но опять-таки не съ щепкинскимъ комизмомъ передалъ г. Самаринъ восторженное состояніе и самоуслаждение Сквозника-Дмухановскаго въ его семейномъ кругу, въ началѣ 5-го дѣйствія; но въ слѣдующихъ за тѣмъ скорыхъ переходахъ отъ гнѣва и злорадства къ милости, изъ положенія человѣка торжествующаго въ положеніе человѣка уничиженнаго и одураченнаго—приѣмы щепкинской игры опять были въ большей части скопированы удачно и являлись на мѣстѣ.—Говоря вообще, вполне удовлетвориться игрою г. Самарина было невозможно; она оставяла желать еще очень и очень многого и самое цѣнное въ ней были тѣ пріятныя напоминанія о первоначальномъ исполненіи роли Городничаго, на которыя безпрестанно наталкивался зритель. Повторяемъ, новый исполнитель не внесъ ничего

новаго, ничего своего въ одну изъ лучшихъ ролей репертуара русской сцены; даже и въ воспроизведеніи прежняго исполненія чувствовалось много неполноты, многое было передано слабо и неудачно; комическая сторона роли значительно поубѣдѣла; пострадалъ даже и самый характеръ лица: самаринскій Городничій взмелъчалъ противъ щепкинскаго Городничаго, въ которомъ гораздо больше было и своеобразной представительности, и суроваго закала; а на послѣднюю черту, какъ видно, сильно разсчитывалъ и авторъ, который не даромъ же въ «Замѣчаніяхъ для актеровъ» требуетъ, чтобы даже *черты лица* городничаго были *грубы и жестки*, а въ письмѣ по поводу перваго представленія «Ревизора» говорить: *черты лица какого-нибудь городничаго больше неподвижны и ясны; его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣлимая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ*. Ко всему этому надобно прибавить, что г. Самаринъ далеко еще не овладѣлъ цѣлымъ роли, онъ не явился ея обладателемъ: ему слишкомъ не доставало для этого самообладанія и спокойнаго, совершенно трезваго отношенія къ роли. Но въдъ съ разу и крѣпко установиться въ такой трудной роли едва-ли возможно и мы имѣемъ основаніе надѣяться, что въ этомъ отношеніи время столько-же поможетъ и г. Самарину, сколько помогло оно Щепкину, къ которому Гоголь въ одномъ изъ писемъ писалъ: *«У васъ теперь есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было; вы теперь можете царствовать въ вашей роли, тогда какъ прежде вы все еще какъ-то метались»* (V, 506). При всемъ этомъ однако нельзя не благодарить г. Самарина за то, что онъ задался очень почтенною задачею и въ такой мѣрѣ придержался, или, по крайней мѣрѣ, старался придержаться дорогихъ для московской публики щепкинскихъ традицій въ исполненіи роли Городничаго, что мѣстами онъ ошибался даже щепкинскими ошибками; такъ, во 2-мъ дѣйствіи, онъ осматривалъ *стѣны* комнаты и въ то время, когда говорилъ о сырости комнаты, и въ то время, когда говорилъ о темнотѣ ея, при догадкѣ, не отъ того-ли происходитъ темнота, что мухи засидѣли; но въдъ темнота комнаты могла еще сколько-нибудь зависѣть отъ засиженнаго мухами *окна* и ужъ нисколько не отъ засиженныхъ мухами *стѣны*; а между тѣмъ и Щепкинъ въ этомъ мѣстѣ дѣлалъ тоже, т. е. тоже начиналъ разсматривать стѣну. Замѣщеніе роли Городничаго г. Самаринимъ дало возможность г. Садовскому возвратиться къ его прежней роли—Осипа, въ которой его такъ любили смотрѣть москвичи и въ которую онъ внесъ такъ много творчества и таланта, что усиѣлъ эту маленькую роль выдвинуть значительно впередъ. Мы не имѣемъ ничего сказать противъ игры въ той же роли г. Дмитревскаго, актера очень умнаго и добросовѣстнаго; но должны признаться, что роль Осипа въ его исполненіи много блѣднѣла. Г. Дмитревскій дѣлалъ все то, что дѣлалъ прежде и дѣлаетъ теперь въ этой роли г. Садовскій; но онъ не могъ внести въ нее того комизма, которымъ полна она у г. Садовскаго. Дѣло въ томъ, что у г. Са-

довскаго каждымъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ его Осипъ говоритъ чужь-ли не больше того, чѣмъ очень немногими словами, которые достались ему отъ автора. Чиститъ-ли онъ съ поддевываніемъ и на отмашь барскіе сапоги, — чувствуется, какъ озлобленъ и *серчаетъ* онъ на своего барина; заглядываетъ-ли съ жадностью въ миску, опустошаемую бариномъ, — и въ его взглядахъ, жестахъ, вздохахъ, хмыканьяхъ, положеніяхъ видится зрителю цѣлая драма: надежда, отчаяніе, укоризна, ропотъ на барскую ненасытность, опасеніе ничего не дожидаться, все это до крайности выразительное томленіе голоднаго въ виду лакомага куска придаетъ необыкновенно глубокий комизмъ положенію и вызываетъ неудержимый смѣхъ. А сколько комическаго злорадства, внушительности и желанія напугать сказывается въ выраженіи лица, строго-выпученныхъ глазахъ, таинственномъ тонѣ рѣчи, въ медленной, какъ-бы задержанной походкѣ и пригрожающихъ жестахъ г. Садовскаго, когда Осипъ входитъ на нѣсколько словъ, которыми извѣщаетъ насоловившаго ему барина о пріѣздѣ Городничаго! Не менѣе глубокаго комизма является у г. Садовскаго и въ отношеніяхъ Осипа сначала къ Мишкѣ, а потомъ къ заискивающему въ немъ Городничему и купцамъ-просителямъ. Исполненное сознаніе собственнаго достоинства выразительное молчаніе, которое предпосылаетъ Осипъ своимъ короткимъ отвѣтамъ въ разговорѣ съ городническимъ слугой, покровительственный тонъ, презрительные взгляды на неразумнаго мальчишку, подтруниванье надъ нимъ, непреходимое лукавство въ отвѣтахъ на вопросы Городничаго, плутоватое поглядыванье на карманъ Городничаго, отбирание у купцовъ ихъ приношеній, все это поражаетъ зрителя правдою выраженія, силою комизма и возбуждаетъ въ немъ самый добрый смѣхъ.

Г-жи Васильева и Никулина были на мѣстѣ въ родяхъ жены и дочери Городничаго; впрочемъ первой изъ нихъ не мѣшало бы загримироваться все-таки нѣсколько постарше и казаться нѣсколько болѣе увядшею женщиной; о городничихъ и въ «Замѣчаніяхъ для актеровъ» сказано, что она *еще не совсемъ пожилыхъ лѣтъ*, но все-таки же *пожилыхъ*. Къ тому же, почему бы г-жѣ Васильевой и относительно костюмировки не придерживаться ближе тѣхъ-же «Замѣчаній» и не переодѣться, вмѣсто трехъ, четыре раза, что такъ въ духѣ *провинціальной кокетки*, какъ называется тамъ же Городничиха?

Г. Живокини за костюмировался и загримировался для роли Земляники по традиціямъ своихъ предшественниковъ по исполненію этой роли; но, сдѣлавъ Землянику человекомъ мѣшковатымъ и неповоротливымъ, онъ не передалъ основной черты характера Земляники — его пронырливости, желанія при малѣйшемъ удобномъ случаѣ выскочить и подслужиться; у новаго исполнителя изъ Земляники вовсе не вышло пройдохи, какимъ, напр., игралъ его г. Соколовъ; этого прощадства у г. Живокини было мало даже и въ сценѣ клеузничества Земляники. Можетъ быть, все это до вѣкоторой степени зависѣло отъ того, что у г. Живокини была не твердая роль.

Гг. Владыкинъ и Дмитревскій были довольно характерны въ маленькихъ роляхъ Хлопова и Абдулина, особенно первый.

Изъ прежнихъ исполнителей остальныхъ, болѣе крупныхъ ролей «Ревизора», мы пожелали бы въ очень характерной и разнообразной игрѣ г. Шумскаго въ роли Хлестакова видѣть нѣсколько меньшее фарсированье и больше сдержанности во 2 дѣйствіи, при чемъ напомнимъ ему слова Гоголя изъ одного письма его къ Щепкину (10 мая 1836): *Боже сохрани, если ее (роль Хлестакова) будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хватуновъ и повѣсь театральныхъ*; а нѣсколько далѣе въ томъ же письмѣ Гоголь говоритъ, что Хлестаковъ *вертлявъ тогда только, когда подвѣзжаетъ къ дамалю*; но и этой вертлявости должна быть, конечно, мѣра; такъ Гоголь тамъ-же замѣчаетъ, что въ 3 дѣйствіи *Хлестаковъ вовсе не долженъ шататься на стуль*, какъ отчасти шатается въ концѣ своего монолога г. Шумскій. Вообще въ этой сценѣ 3-го дѣйствія можно пожелать отъ игры г. Шумскаго болѣе одушевленія; ложь Хлестакова — вдохновенная ложь, и самъ авторъ комедіи говоритъ, что Хлестаковъ *лжетъ не фанфаронски театральнo, а съ чувствомъ* (II, 536).—Г. Петровъ довольно удачно передаетъ простодушіе гоголевскаго почтмейстера, но въ немъ мало щеголеватости, совершенно особенной щеголеватости, отзвучающей болѣе выправкой: не даромъ же Хлестаковъ сравнилъ его съ *департаментскимъ сторожемъ*.—Что же касается до старѣйшихъ исполнителей этой комедіи, гг. Никифорова и Степанова, то мы можемъ только порадоваться, что эти почтенные, талантливые ветераны нашей сцены не перестаютъ украшать своимъ участіемъ одно изъ драгоценнѣйшихъ произведеній русской драматургіи и пожелать, чтобы они долго еще не покидали нашей сцены, которая всегда имѣла и имѣетъ въ нихъ крайне полезныхъ, добросовѣстныхъ, искусныхъ исполнителей, подобныхъ которымъ не грѣхъ пожелать побольше будущему нашей сцены. Намъ, поэтому, признаемся, очень грустно было смотрѣть въ роли Бобчинскаго не г. Никифорова, а г. Оедотова. Правда, г. Оедотовъ усердно и (надо отдать справедливость) довольно удачно копировалъ игру г. Никифорова; но какой смыслъ былъ въ этой копіи? Развѣ г. Никифоровъ не съ нами, не на сценѣ нашей? Развѣ что-нибудь мѣшаетъ самому ему играть роль Бобчинскаго? А если такъ доступенъ самъ оригиналъ, то къ чему-же копія, какова бы ни была она? Мы мирились съ г. Оедотовымъ въ роли Бобчинскаго и не говорили ничего противъ этого, когда, во время представленія «Ревизора» на Маломъ театрѣ, г. Никифоровъ нуженъ былъ, по соображеніямъ дирекціи, для Большаго театра хотя бы для роли Плутона (въ «Орфѣѣ въ аду»), роли пустѣйшей, но которая тѣмъ не менѣе дѣйствительно многимъ обязана г. Никифорову и безъ него почти немислима: вотъ что такое для нашей теперешней сцены эти достойные во всѣхъ отношеніяхъ полнаго уваженія ветераны ея! Въ самомъ дѣлѣ г. Никифоровъ, потерявшій голосъ, участвуетъ въ опереттѣ и меж-

ду прочимъ производить эффектъ даже и пѣніемъ кушетовъ: не укорь-ли это большей части теперешнихъ артистовъ нашихъ, которыхъ достаетъ куда-какъ не на многое, а подъ часъ и совсѣмъ ни на что не достаетъ? Мы очень порадовались, когда въ прошлый четвергъ въ роли Бобчинскаго опять явился г. Никифоровъ, и надѣмся, что безъ особенной надобности на эту роль не будетъ посягать г. Федотовъ. Придетъ и его время, а теперь пусть онъ не мѣшаетъ московской публикѣ смотреть и насматриваться на одного изъ ея старыхъ, неизмѣнновѣрныхъ ей и своему дѣлу любимцевъ ея! Впрочемъ, хотя мы и сѣтуемъ на г. Федотова за то, что онъ не ограничился въ своемъ бенефисномъ спектаклѣ ролью въ одной изъ прикладныхъ пѣснъ спектакля, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не признать за нимъ чести улучшения обстановки «Ревизора» и не благодарить его за это. Онъ сдѣлалъ дѣло первой важности.

БЕНЕФИСЪ Г. САВЕЛОВА.

3 мая былъ бенефисъ опернаго суфлера г. Савелова. Бенефисъ—это капиталъ. Но капиталъ приносить хорошіе проценты только въ рукахъ человѣка, который можетъ пустить его въ оборотъ. А если и первому артисту не легко составить хорошій бенефисъ, то что же дѣлать бѣдному оперному суфлеру? Въль новой оперы ему въ бенефисъ не дадутъ, и онъ по неволѣ долженъ или дать какую нибудь старую оперу (а дастъ ли она сборъ?), или ограничиться какимъ нибудь попури изъ разныхъ оперъ и балетовъ. Къ этому послѣднему средству принужденъ былъ прибѣгнуть и г. Савеловъ. Но тутъ съ нимъ случилось несчастье: передъ самымъ началомъ спектакля разнесли контръ-афиши, возвѣщавшія, что г. Демидовъ и г-жи Александрова и Собещанская болны и что ихъ замѣнитъ г. Радонезскій и г-жи Меньшикова и Горохова.

Бенефисъ начался третьимъ актомъ изъ оперы «Жизнь за царя», прошедшимъ весьма безжизненно. Особенно былъ неудовлетворителенъ женскій хоръ, который фальшивилъ самымъ жестокимъ образомъ. Передъ началомъ слѣдовавшей за тѣмъ сцены изъ четвертаго акта оперы «Трубадуръ» передъ занавѣсомъ появился какой-то господинъ въ русскомъ крестѣ и въ комъ костюмѣ. Его можно было принять за ламповщика или вообще за какого нибудь мастерового, но я узналъ въ немъ одного изъ хористовъ. Хористъ этотъ объявилъ публикѣ, что г. Николаевъ, чувствуя себя нездоровымъ, но не желая остановить представленіе, проситъ снисхожденія публики. Ну, можно ли такъ безцеремонно обращаться съ публикою и высылать для объясненія съ нею костюмированнаго хориста? Развѣ не могъ и, скажу болѣе, изъ уваженія къ публикѣ, не долженъ былъ бы выйти анонсировать одинъ изъ оперныхъ режиссеровъ? На всѣхъ сценахъ Западной Европы принято, что для объясненія съ публикою является самъ режиссеръ, а не какое нибудь подставное лицо, да еще и является-то не въ какомъ нибудь костюмѣ, а во фракѣ.

Впрочемъ г. Николаевъ напрасно извинялся и просилъ снисхожденія публики: онъ, можетъ быть, никогда до сихъ поръ не пѣлъ лучше, чѣмъ онъ пропѣлъ соло въ *Miserere* изъ *Трубадура*. Не онъ, а другіе должны бы были попросить извиненія у публики: г-жа Меньшикова, капельмейстеръ и хоръ—за свое исполненіе, а также и лица, допустившія подобное исполненіе. Вотъ ужъ подлинно, какъ говорится, кто въ дѣль, кто по дрова. А каково публикѣ было слушать такое исполненіе!

Въ третьемъ актѣ «Аскольдовой могицы», въ роли Горюхи, дебютировалъ г. Молодцовъ. У него есть голосъ и голосъ пріятный, но слишкомъ слабый для сцены, особенно для такой сцены, какъ въ нашемъ Большомъ театрѣ; притомъ у г. Молодцова нѣтъ ни малѣйшаго умѣнья ни пѣть, ни играть.

М. Эрлихбергъ.

АРТИСТИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ

I.

Дни Артистическаго Кружка сочтены, существованіе его на волоскѣ: обстоятельство очень грустное, но едва-ли неожиданное, по крайней мѣрѣ для насъ. Случилось то, чего мы ждали, судя еще по самымъ первымъ проявленіямъ дѣятельности этого учрежденія, и отъ чего мы въ свое время печатно предостерегали его членовъ. Мы имѣли основаніе отъ Артистическаго Кружка и ждаты, и требовать многого; мы почти не сомнѣвались въ той пользѣ, которую онъ и могъ и долженъ былъ принести особенно театральному и музыкальному искусствамъ. Вотъ почему мы искренно порадовались, когда узнали о правительственномъ утвержденіи Кружка, искренно желали ему всего лучшаго и смѣли тогда-же выразить это желаніе въ нашей газетѣ. Когда до насъ мало по малу стали доходить сообщенія о нѣкоторыхъ неправильныхъ или страннѣйшихъ дѣйствіяхъ иныхъ старшинъ и членовъ Кружка, мы сначала пропускали ихъ мимо ушей, не придавали значения и клали подъ сукно. Но когда сообщаемые намъ съ разныхъ сторонъ факты начинали все болѣе и болѣе подтверждаться, когда все убѣдительнѣе стало сообщать о неправильности и воищемъ характерѣ этихъ фактовъ, тогда мы сочли себя болѣе не въ правѣ молчать и особенно крупные изъ нихъ рѣшились огласить въ нашей газетѣ. Но дѣлали мы это, скрѣпя сердце и прежде всего изъ желанія на первыхъ-же порахъ подавать оказавшіяся отклоненія отъ примаго, правднаго порядка дѣйствій и устранить всякое проявленіе личнаго произвола на будущее время. Существованіе Кружка было-бы возможнымъ и полезнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы онъ не сталкивался своими цѣлями и средствами съ другими учрежденіями этого рода. Старѣйшіе московскіе клубы слишкомъ богаты материальнымъ достаткомъ, чтобы въ этомъ отношеніи можно было соперничать съ ними учрежденію новому; но Артистическій клубъ имѣлъ полную возможность гораздо болѣе другихъ клубовъ заручиться нравственнымъ достаткомъ. Принимая въ

дѣйствительные члены свои артистовъ—производителей всѣхъ родовъ искусства и литераторовъ, Артистическій Кружокъ тѣмъ самымъ приобрѣталъ такой запасъ нравственныхъ силъ, которому могло-бы не быть перевода. Воспользовался-ли онъ однако этими силами и на нихъ-ли главнѣйшимъ образомъ возложилъ надежды и основалъ свои расчеты? Нѣтъ, съ перваго-же времени существованія Кружка въ нанятомъ имъ домѣ не трудно было замѣтить, что первый источникъ всѣхъ будущихъ блазъ своихъ и своего преуспѣванія Кружокъ видитъ въ карточной игрѣ и буфетѣ. Какъ будто москвичамъ мало мѣста и средствъ для всего этого въ другихъ московскихъ клубахъ? Какъ будто охотники до *большой* игры поѣхали-бы въ Артистическій Кружокъ искать между его членами себѣ партнеровъ и какъ будто желающіе вкуснѣе поужинать направились бы для удовлетворенія этого желанія въ Артистическій Кружокъ, а не въ другіе московскіе клубы, имѣющіе на кухняхъ своихъ тысячныхъ поваровъ, своего рода знаменитостей кулинарнаго искусства? Правда, дѣятельность Артистическаго Кружка отличалась отъ дѣятельности другихъ клубовъ ежедневными музыкальными и литературными вечерами; но какъ, изъ кого и изъ чего составлялись эти вечера? Кого могло интересовать въ большей части случаевъ посредственное исполненіе посредственныхъ музыкальных произведеній и посредственное чтеніе плохихъ оригинальныхъ драматическихкихъ произведеній или отрывковъ изъ сомнительныхъ переводовъ сомнительныхъ нѣмецкихъ драмъ? А тутъ еще въ иныхъ случаяхъ странное отношеніе иныхъ старшинъ къ членамъ и къ дѣлу! Мы, напр., всего только два раза были въ стѣнахъ Кружка и, на наше несчастіе, оба раза были свидѣтелями подобныхъ странностей: въ первый разъ безцеремонно была нарушена программа чтенія и одинъ изъ чтецовъ былъ отстраненъ отъ продолженія начатаго чтенія; а во второй разъ мы, вмѣстѣ со всей присутствовавшей въ залѣ публикой, должны были неожиданно, непрощенно выслушать строгое внушеніе разгнѣвавагося чтеца—старшины, г. Садовскаго. Этихъ двухъ казусовъ, разумѣется, для насъ было совершенно довольно, чтобы дать себѣ слово не являться въ Кружокъ въ третій разъ до тѣхъ поръ, пока порядокъ дѣятельности его не видоизмѣнится къ лучшему. Смѣемъ думать, что такъ разсудили и не мы одни, ибо, сколько намъ извѣстно, число даже обычныхъ посѣтителей Кружка, его дѣйствительныхъ и недѣйствительныхъ членовъ постоянно убывало, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Итакъ, нравственнымъ силамъ своимъ Артистическій Кружокъ надлежащаго приложенія не нашелъ, нравственнаго значенія за нимъ никакого не оказалось, а потому не оказалось въ немъ и никакой надобности. Предвидя все это и всего этого боясь, мы еще въ началѣ прошлаго года (Антр. №-2) предостерегали Артистическій Кружокъ и обращали вниманіе на тѣ средства, которыми онъ единственно могъ бы приобрести значеніе и право на беззапозное существованіе. Что это было возможно,—лучшимъ доказательствомъ служить московскій Прикащичій клубъ, члены кото-

раго, отказавшись отъ карточной игры, съ удовольствіемъ и пользой проводятъ время въ стѣнахъ его. На все, что въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ говорилось о дѣятельности Артистическаго Кружка, не обращали вниманіе, но кому-же отъ этого хуже? И вотъ опять съ разныхъ сторонъ намъ присылаются статьи и письма, изъ которыхъ даемъ мѣсто въ нашей газетѣ всему тому, что непосредственно относится къ дѣлу.

Ред.

II.

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «АНТРАКТА»).

М. Г. Слышали-ли вы, что Артистическій Кружокъ дожилъ до критической минуты и что эта минута грозитъ ему банкротствомъ? Скорбите-ли вы о сей горькой участи и вѣрите-ли, что единовременная десятирублевая надбавка на всѣхъ членовъ спасетъ Кружокъ отъ ожидаемой катастрофы? Надѣюсь, вы, какъ человекъ, по мѣрѣ силъ способствующій движенію искусства, находите надбавку не болѣе какъ соломинкой, за которую ухватился утопающій, и поэтому постараетесь въ вашей газетѣ разобрать подробно всѣ обстоятельства кризиса, чтобы дать добрый советъ обществу, желающему продолжать свою артистическую дѣятельность. Я, съ своей стороны, имѣю только претензію затронуть въ этомъ письмѣ нѣкоторые вопросы, такъ сказать, стоящіе на очереди и требующіе безъотлагательнаго и безпристрастнаго обсужденія.

Прежде всего приходитъ въ голову, можетъ-ли существовать Кружокъ при настоящемъ своемъ уставѣ, не дающемъ голоса членамъ-любителямъ и, тѣмъ самымъ, ставящемъ ихъ въ безучастное положеніе къ обществу? Послѣ этого, невольно спрашивается, справедливо-ли желать, чтобы члены любители поддержали Кружокъ десятирублевымъ взносомъ, наравнѣ со всѣми членами хозяевами, главными виновниками успѣха и паденія всего общества? Потомъ было-бы нелишнимъ разъяснить *всѣмъ вообще членамъ*, чѣмъ именно они заинтересованы, чтобы пошлись о дальнѣйшемъ существованіи Артистическаго Кружка. На это пожалуй говорятъ, что теперь Кружку разрѣшены три спектакля, которые онъ и дастъ обѣню; но членамъ отъ сего мало прока, ибо они туда будутъ пускаться, наравнѣ со всей публикой, за деньги, потому что эти спектакли предполагается дать гдѣ-нибудь на сторонѣ, а члены пользуются всѣми удовольствіями только въ своемъ собственномъ помѣщеніи*). Впрочемъ и тутъ бывають дни, когда залу отдають въ наемъ концертистамъ и члены пускаются gratis только

* Но помѣщеніе, нанятое подъ спектакли на деньги Артистическаго Кружка, развѣ также не дѣлается на эти спектакли *собственными* для всѣхъ его членовъ?
Ред.

на верхъ для игры въ карты. Кстати: справедливы ли такой порядокъ? Развѣ Кружокъ существуетъ преимущественно съ благотворительной цѣлью?... Итакъ, на долю членовъ, за ихъ взносъ, остается пользоваться будничными литературно-музыкальными вечерами, которыхъ, по вычисленію одного маститаго члена Кружка, — столько, что каждый вечеръ, бывающему безъ пропусковъ, достанется за пятиалтынный. Что говорить, цѣна невысокая; но я-бы совѣтовалъ этому члену заняться вычисленіемъ числа лицъ, посѣщающихъ сіи вечера; тогда-бы онъ, вѣроятно, не говорилъ такихъ странныхъ вещей.

Въ заключеніе сообщу вамъ, что 18-го апрѣля, на святой недѣли, во вторникъ, былъ въ Кружкѣ бурный вечеръ: судили и рѣдили какъ-бы помочь горю, какъ-бы продлить существованіе общества и, между прочимъ, нѣкоторые заявили желаніе назначить комиссію какъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, такъ равно и изъ членовъ-любителей, для разсмотрѣнія тѣхъ обстоятельствъ, которые довели Кружокъ до крушенія. Понятно, если найдетъ комиссія причины, то легче будетъ найти и потребное лѣкарство. Во всякомъ случаѣ, мысль о назначеніи комиссіи я нахожу справедливой уже потому, что умъ хорошо, а два лучше; но не всѣ такъ думаютъ и эта мысль встрѣтила оппозицію въ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ членахъ Кружка, считающихъ всякую комиссію за оскорбленіе старшинъ. Гдѣ и въ чемъ тутъ оскорбленіе? Я даже думаю, что сами старшины не благодарятъ такихъ заступниковъ, ибо не считаютъ самихъ себя вѣдь ошибокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли въ человеческомъ дѣяніи не быть ошибокъ!? Конечно, согласно этому общему правилу, можно утверждать, что и Артистическій Кружокъ нуждается въ указаніи ему его-же собственныхъ недостатковъ, начиная съ самаго устава и кончая хоть той странностью, что старшины вызывали членовъ въ Кружокъ для разрѣшенія важнаго вопроса о кризисѣ въ среду на страстной недѣлѣ. Ясное дѣло, что членовъ явилось очень мало и многіе и досихъ поръ еще дивятся такому удачному выбору дня. Или развѣ не странно, что старшины не публиковали объ участіи на вечерѣ, во вторникъ на святой, г-на Роже, отъ котораго былъ бы несомнѣнный сборъ, и публикуютъ иногда о такихъ участникахъ, которые не принесутъ копейки дохода... Ошибочки конечно есть, тутъ и говорить нечего; но указать ихъ всѣ безъ разсмотрѣнія комиссіей не возможно; значитъ, и помочь горю тоже нельзя, а мы хдопочемъ о существованіи Кружка на прочныхъ, нерушимыхъ началахъ.

В. Сафоновъ.

III

Финансовое положеніе Артистическаго Кружка самое грустное. 12-го апрѣля въ среду на страстной недѣли, приглашались члены Кружка на экстраординарное собраніе; съѣхалось около 50 человекъ, большею частію члены-любители. Засѣданіе открыто было старшиною г. Рахмановымъ, который прочелъ отчетъ за прошлый годъ; послѣ г. Рахманова

всталъ старшина, г. Островскій; на немъ лежала трудная обязанность говорить не только о прошедшемъ, но и о настоящемъ. Онъ показалъ капиталъ клуба въ 20,000 рублей, изъ которыхъ наличными деньгами въ кассѣ Кружка оказалось 400 рублей (я вездѣ беру круглыя цифры), остальные же 19,600 руб. находятся въ инвентарѣ клуба составляютъ стоимость мебели, вина, сигаръ и т. п., въ это-же число внесены и 3000 руб., которые разные члены кружка должны буфету. Г. Островскій сказалъ, что съ ноября 1866 года приходъ былъ въ 17,000 руб. и расходъ также въ 17,000 рублей; онъ заявилъ, что клубъ долженъ 7000 руб.: за наемъ квартиры, за вино, сигары, бібліотеку и т. п. и что домовладѣлецъ уже подалъ на Кружокъ жалобу. Г. Островскій между прочимъ говорилъ о прибыли, которую можетъ получить Кружокъ отъ только что разрѣшенныхъ министромъ двора спектаклей и отъ розыгрыша лоттерей, на которую испрашивается Кружкомъ разрѣшеніе; въ заключеніе онъ сказалъ, что старшины не хотятъ послѣдовать примѣру Купеческаго клуба, который навсегда обложилъ своихъ членовъ вышею платою, но что они находятъ нужнымъ предложить членамъ единовременный взносъ въ 10 руб. съ каждаго, для спасенія Кружка отъ немедленнаго крушенія; съ этою цѣлью положенъ былъ листъ бумаги для подписи. За тѣмъ между старшинами и членами послѣдовали пренія, во время которыхъ г. Островскій часто долженъ былъ для возобновленія порядка употреблять звонокъ; при этомъ было указано, что самое большое несчастье для Кружка заключается въ контрактѣ, которымъ онъ связанъ въ наймъ тѣснаго помѣщенія, неудобнаго ни для какихъ публичныхъ собраній. Разсмотримъ-же поближе положеніе Кружка и объясненія г. Островскаго. Что касается до капитала Артистическаго кружка, то 20,000 р., которые г. Островскій показываетъ, довольно сомнительны и только 400 р. наличныхъ денегъ остаются вѣдь всякаго сомнѣнія; остальные же 19,600 р. довольно призрачны. Если продать инвентарь, то много-много если выручится четвертая часть той суммы, которой онъ стоилъ. Что же касается до 3000 р. буфетнаго долга, то эти деньги совершенно неточно причтены къ капиталу Артистическаго Кружка: долгъ — не наличныя деньги. Клубъ вѣрилъ болѣе, нежели сколько, по своему уставу, онъ имѣлъ право вѣрить, т. е. вѣрить не болѣе, какъ на 15 р. одному лицу; между тѣмъ есть члены, которые должны 150 и 200 р. Законное преслѣдованіе должниковъ невозможно, такъ какъ за неплатежъ долговъ, Кружокъ, по уставу, можетъ наказывать только выключеніемъ изъ членовъ Кружка. Въ засѣданіе 18 апрѣля многіе изъ членовъ хотѣли сложить отвѣтственность за эти 3000 р. на старшинъ, по той причинѣ, что они, довѣряя одному лицу болѣе 15 р., поступали противъ устава кружка, такъ какъ, по § 60 устава, старшины отвѣчаютъ за кассу кружка, если по ихъ небреженію произойдетъ растрата оной». Пассивъ Кружка болѣе выясненъ. 7000 р. долгу за необходимѣйшія дневныя потребности! Кружокъ выручилъ съ ноября 1866 по апрѣль 1867, г. — 17000 р. по показанію г. Остров-

скаго, эти 17000 р. истрачены; но желательно-бы знать, куда и на что. Необходимо было-бы сдѣлать общезвѣстными всѣ статьи расхода за истекшіе 5 мѣсяцевъ.*

Проснувшись въ одно прекрасное утро члены Кружка узнали изъ Московскихъ Вѣдомостей о своей несостоятельности: деньги за наемъ дома не были заплачены старшинами, домовладѣлец подалъ жалобу въ Окружной судъ, гдѣ и былъ назначенъ докладъ. Спрашивается, должны-ли были старшины допустить до этого? И какая польза была въ томъ, что г. Островскій познакомилъ членовъ съ грустными фактами, которыхъ члены узнали двумя недѣлями раньше изъ газетъ? Былъ-ли наконецъ день, который выбрали старшины для приглашенія членовъ къ такому важному засѣданію, удобенъ? Развѣ старшины не знали, что въ среду на страстной недѣлѣ каждый изъ насъ, болѣе обыкновеннаго, занятъ своими религіозными, или домашними обязанностями? Развѣ они только въ эту критическую минуту, когда уже было поздно думать о спасеніи, удостоверились въ необходимости открытаго объясненія дѣла клуба передъ членами? Развѣ старшины уже мѣсяць тому назадъ не были такъ-же увѣрены въ несостоятельности клуба, какъ и теперь? Должны-ли были старшины допустить домовладѣльца до необходимости жаловаться на клубъ? Не должны-ли они были напротивъ стараться избѣгнуть этого? Не должны-ли они были заплатить за наемъ дома прежде всего другаго? Или они слишкомъ разсчитывали на дозволеніе устроить лоттерей, и съ этимъ дозволеніемъ хотѣли торжественно явиться передъ членами? Но имѣютъ-ли право старшины клуба, сберегатели чужой собственности, разсчитывать на всякаго рода случайности? Не должны-ли они напротивъ основывать всѣ расчеты свои только на дѣйствительномъ и стараться обойтись тѣми только средствами, которыя имѣетъ усебя Кружокъ? Не должны-ли они были, вмѣсто того, чтобы коротко объявить, что въ теченіе 5 мѣсяцевъ выручено 17000 р. и израсходовано тоже 17000 р., выдать членамъ печатный подробный отчетъ? Развѣ отъ 1866 г. какъ видно изъ отчета, не осталось чистой пользы въ 11,267 р. 1½ к.? Могли-ли старшины на счетъ естественный вопросъ, имѣетъ-ли Кружокъ право передать помѣщеніе въ другія руки,—не дать удовлетворительнаго отвѣта? И вообще имѣли-ли старшины право до истеченія срока дѣлать на членовъ надбавку посредствомъ баллотировки? Не нарушили-ли они этимъ §6 Устава, который говоритъ: *«Дѣйствительные члены платятъ въ годъ десять руб. сер. почетные—пятнадцать, любители—пятнадцать.»*

Могли-ли, наконецъ, старшины дать хоть сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ,—какимъ образомъ будущность клуба обезпечится добавочнымъ взносомъ? Какіе были ихъ отвѣты? Мы *надѣемся*—говорили они—на спектакли и на лоттерей, на которую мы *надѣемся* получить разрѣшеніе. Но вѣдь съ надеждой далеко не уѣдешь и надеждами пельзя разплачиваться ни за наемъ дома, ни за вино, ни за сигары; а плата за наемъ дома дамочковымъ мечомъ виситъ надъ головою Кружка.

Наемный контрактъ сдѣланъ на пять лѣтъ; если клубъ его въ теченіе этого времени нарушитъ, то онъ обязуется заплатить не только сумму найма за все время контракта, но еще и 3000 р. с. неустойки. Когда г. Островскій, читая контрактъ, дошелъ до этой *неустойки*, то раздался общій смѣхъ. Если этотъ контрактъ, по причинѣ неаккуратнаго взноса денегъ, въ настоящую минуту еще не нарушенъ, то это обусловливается тою статьею контракта, по которой, если Кружокъ въ срокъ не заплатитъ за наемъ дома, то долженъ платить за каждый слѣдующій день по 5 р. с. штрафа. И этотъ штрафъ, который Кружокъ платитъ съ 1-го апрѣля, составляетъ до сегодняшняго дня (22 апрѣля) сумму въ 110 р. с. А въ кассѣ еще 12 апрѣля всего только 400 р. Какъ-бы то ни было, между присутствующими нашлись многіе, которые, испугавшись, вѣроятно, мысли о гибели Кружка, признали необходимость десятирублеваго взноса. 18 апрѣля члены были приглашены черезъ Поліпейскія Вѣдомости, къ окончательной баллотировкѣ этого вопроса. Гг. старшины, какъ видно, сѣшшили. Отъ 12-го до 18 апрѣля Кружокъ былъ закрытъ. Поэтому баллотировка и не была объявлена въ Кружкѣ, въ прямое нарушеніе 36-й статьи Устава, въ которой сказано: «если такое предложеніе будетъ подписано не менѣе, какъ 25 членами, то старшины не позже, какъ черезъ 8 дней, обязаны объявить, что оно будетъ баллотироваться». Объявленіе было сдѣлано, но не такъ, какъ-бы слѣдовало сдѣлать его. Члены обязаны знать то, что объявляется имъ въ стѣнахъ Кружка, но они могутъ не знать того, что публикуется въ газетахъ, которыя они не обязаны получать. И не нарушили-ли старшины того-же самаго § 36 Устава тѣмъ, что допустили баллотировку вопроса въ самый день его предложенія, безъ предварительнаго извѣщенія объ этой баллотировкѣ членовъ и не должны-ли были они назначить баллотировку предложеннаго вопроса въ теченіе 8 дней со дня его предложенія?

Но баллотировкѣ оказалось, что 24 голоса были за десятирублевый взносъ, а 21 голосъ—противъ этой мѣры. Старшины, по видимому, побѣдили; но если обратить вниманіе на малочисленность шаровъ, которыми они одержали побѣду, то побѣда эта болѣе похожа на пораженіе. Неудовольствіе на результатъ баллотировки была почти общее, особенно между членами-любителями, которые должны заплатить, не имѣя даже права голоса. Въ тотъ же вечеръ составлена была подписка, въ которой подписавшіеся требовали составленія ревизіонной комиссіи какъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, такъ и изъ членовъ-любителей, и эта бумага съ 25 подписями была подана 21-го апрѣля въ контору Кружка.

Послѣ всего сказаннаго продолжительное существованіе Артистическаго Кружка кажется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ; а все таки многіе пожалѣли бы о закрытіи его. Но какъ предупредить его гибель? Есть-ли на это возможность? Я думаю, что *есть*. Надобно сойти съ прежней дороги. Надобно основывать всѣ расчеты только на настоящемъ, на дѣй-

ствительно существующемъ и не рассчитывать на воображаемую будущность, не думать объ оставлении теперешняго помѣщенія Кружка въ теченіе всего времени контракта. Если-бы даже хозяинъ дома и дозволилъ Кружку передать помѣщеніе въ другія руки, то Кружокъ все-таки отнюдь не получилъ-бы отъ другаго нанимателя той суммы, какую онъ самъ по контракту обязанъ платить, онъ все-таки сѣлся бы ответственнымъ за условленную плату наемныхъ денегъ. Устройство новаго, большаго помѣщенія опять потребовало бы новыхъ большихъ пожертвованій. Прибавлять къ старымъ долгамъ еще новыя! И кто поручится, что дѣла Кружка въ новомъ помѣщеніи пойдутъ лучше, нежели въ старомъ? А что если спектакли не принесутъ въ будущемъ тѣхъ выгодъ, которыхъ старшины, какъ кажется, отъ нихъ ожидаютъ? А что если воображаемая прибыль отъ воображаемой дотации будетъ слишкомъ ничтожна? Не придется-ли тогда опять съ новыми и еще съ болѣе значительными требованіями обратиться къ членамъ? Тутъ, конечно, нѣтъ рѣчи о ничтожной десятирублевой прибавкѣ (хотя все-таки неприятно платиться за ошибки другихъ изъ своего кармана); тутъ рѣчь идетъ о гораздо большемъ, а именно о томъ, должны-ли существовать Артистическій Кружокъ или нѣтъ. Прежде всего надобно заняться пересмотромъ устава; надобно устроить постоянный контроль, надобно чаще совѣтоваться старшинамъ съ членами по дѣламъ Кружка, надобно соображаться съ ихъ желаніями, а главное: *надобно соображать расходы съ приходомъ*. Число членовъ Кружка еще довольно значительно и прихода Кружка въ 17000 р. за 5 мѣсяцевъ нельзя назвать ничтожнымъ. Еще есть время одуматься.

М. Эрлангеръ.

IV.

(ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ *).

...Въ параграфѣ 4-мъ устава Артистическаго Кружка между прочимъ сказано, что «почетными членами и членами-любителями могутъ быть лица «всѣхъ сословій, заявившія себя покровительствомъ, или содѣйствіемъ какой-либо отрасли изящныхъ искусствъ». У кого изъ постоянныхъ посѣтителей Кружка не напрашиваются на языкъ сотни именъ членовъ любителей, о которыхъ такъ и хочется спросить: какой отрасли искусствъ, когда, какъ и чѣмъ покровительствовали или содѣйствовали они? Многие, очень многие жалѣли, что этотъ важный пунктъ Устава остался на первыхъ же почти порахъ безо всякаго примѣненія.... Угроза черною доскою не есть-ли угроза, къ которой могло только прибѣгнуть крайнее безісшіе?...

Н-ль.

(*) Изъ письма Н-ль мы помѣщаемъ только извлеченія, такъ какъ въ остальномъ онъ повторяетъ высказанное въ письмѣ г. Сафонова и въ статьѣ г. Эрлангера. Потѣмъ же причинаемъ мы не печатаемъ писемъ *Одного изъ членовъ Кружка, Доброжелательнаго* и г. Т-ва.

Ред.

V.

3-го мая члены Артистическаго Кружка были собраны чрезъ публикацію въ экстренное засѣданіе по дѣламъ, *не терпящимъ отлагательства*. Назначенное въ 10 часовъ вечера 3 мая, собраніе это почему-то однако было открыто 4 мая въ часъ ночи. За столомъ старшинъ сидѣли изъ шести только трое. Г. Островскій въ короткихъ словахъ объявилъ, что всѣ надежды старшинъ оказались не надежными, что выбаллотированное предложеніе о десятирублевой надбавкѣ вызвало общее неудовольствіе, что изъ 3000 р. долга, не смотря на страшную угрозу, пропечатанную во многихъ газетахъ, заплачено только 800 р. с. и что старшины не находятъ другаго средства выпутаться изъ крайне запутанныхъ обстоятельствъ, какъ закрыть Кружокъ немедленно до 15 сентября, при чемъ на одного изъ старшинъ возложить всѣ дѣла Кружка и даже уполномочить его сдѣлать ликвидацію съ тѣмъ, чтобы онъ послѣ отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Всеобщее изумленіе выразилось минутнымъ молчаніемъ. За тѣмъ г. Островскій, во время переговоровъ, объявилъ, что уже рѣшеніе Окружнаго Суда вошло въ силу, «исполнительный листъ» выданъ и съ минуты на минуту можно ожидать описи имущества Кружка. Его спросили: почему изъ полученныхъ въ уплату буфетнаго долга 800 р. и изъ оставшихся въ кассѣ денегъ не было заплачено за наемъ дома? На это г. Островскій отвѣтилъ, что эти деньги затрачены на другія нужды. Но мнѣ кажется, что въ такомъ крайнемъ положеніи Кружка *всего нужнее* было освободить его отъ угрожающей опасности. Послѣ долгихъ преній, члены не допустили немедленнаго закрытія Кружка и потребовали составленія комиссіи для присканія средствъ къ дальнѣйшему существованію Кружка. Что-то будетъ? Что-то будетъ?!

М. Эрлангеръ.

4 мая.

С М Ъ С Ъ.

23 апрѣля, не задолго до начала спектакля, удостоеннаго посѣщеніемъ Государя Императора, слѣдующія лица, служація при дирекціи императорскихъ московскихъ театровъ получили высочайшія награды: 1) главный машинистъ Большаго театра *Вальцъ*—орденъ св. Станислава 2-й степени; 2) смотритель за сборами Большаго театра *Талызинъ*—орденъ св. Анны 3-й степени; 3) инспекторъ репертура московскихъ театровъ *Бьгичевъ*—орденъ св. Станислава 3-й степени; 4) смотритель за сборами Малаго театра *Киль*—орденъ св. Станислава 3-й степени; 5) декораторъ *Шенъль*—золотую медаль, для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ; 6) машинистъ Малаго театра *Тимофеевъ*—золотую медаль, для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ; 7) исправляющій должность бухгалтера конторы московскихъ театровъ *Мальшевъ*—подарокъ; 8) столоначальникъ хозяйственнаго стола той же

конторы *Науловъ*— подарокъ; 9) смотритель Большаго театра *Ласковскій*— подарокъ, и 10) врачъ при дирекціи московскихъ театровъ, коллежскій совѣтникъ *Ницманъ*— подарокъ по чину.

Его Императорское Высочество, Великій Князь Владиміръ Николаевичъ, удостоившій своимъ почетомъ бенефисъ пѣвца Николаева, изволялъ пожаловать бенефицианту золотые часы съ цѣпочкою

Мы слышали, что въ объявленный уже бенефисъ суфлеровъ драматической труппы, при представленіи комедіи «Горе отъ ума», многіе изъ московской публики, желая почтить многолѣтнюю и дѣйствительно заслуживающую всякаго почтенія дѣятельность двухъ старѣйшихъ артистовъ нашей сцены, гг. Степанова и Никифорова, намѣрены поднести имъ подарки. Съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлимся этимъ слухомъ съ нашими читателями и вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не пожалѣть о томъ, что намѣреніе это приводится въ исполненіе слишкомъ въ тихомолку и что къ участию въ этихъ подаркахъ не приглашены всѣ желающіе, число которыхъ, думаемъ, оказалось бы очень значительнымъ.

Въ Вѣдомостяхъ Московской Городской Полици напечатано: контора Императорскихъ Московскихъ театровъ сямъ объявляетъ, непожелаетъ ли кто изъ гг. штукмейстеровъ давать въ Театрѣ Петровскаго парка канія либо представленія, *кромя относящихся къ драматическому искусству*, со взносомъ въ Дирекцію платы и съ принятіемъ на свой счетъ необходимыхъ по зданію ремонтныхъ исправленій. Гг. желающіе могутъ обращаться съ своими предложеніями по означенному предмету въ Контору ежедневно, отъ 10 часовъ утра до 2 часовъ по полудни, кромѣ праздничныхъ дней.

Одобрены къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театральною цензурою слѣдующія пѣсы: 1) *Криспень, соперникъ своего господина*, комедія соч. Лесажа; 2) *Не всегда такъ кончается*, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Седеня, пер. Егорова и 3) *Господинъ Пурсоньякъ*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Мольера, пер. Музиля.

Нынѣшнею осенью предполагается къ постановкѣ на московской сценѣ опера датскаго композитора Саломана *Карпатская роза*.

Предполагавшійся къ бенефису г. Пуньи балетикъ «Амуръ благодѣтель» не можетъ быть поставленъ въ нынѣшнемъ сезонѣ на сценѣ петербургскаго театра, потому что занемогла воспитанница *Е. Соколова*, которая должна была въ немъ исполнять главную роль.

Въ газетѣ «Голосъ», пишутъ изъ Вильны, что 23-го апрѣля, на тамошнемъ театрѣ открылись представленія балетной труппы, прибывшей туда изъ Петербурга, подъ управленіемъ г. *А. Богданова* въ качествѣ балетмейстера. Г-жа *Лядова*, исполнившая главную роль въ балетѣ «Валахская невѣста», произвела просто фуроръ и видимо, съ перваго же своего дебюта, сдѣлалась любимцею мѣстныхъ театраловъ. Другая-же петербургская танцовщица, г-жа *Прихунова*, танцовавшая въ этотъ вечеръ въ 1-мъ дѣйствіи «Газельды», особеннаго успѣха не имѣла.

Г-жа *Гранцова* дебютировала въ Парижѣ 28-го апрѣля (10 мая) въ «Grand Opera», въ новомъ балетѣ Сен-Леона «La Source». По сообщаемымъ «Голосомъ» слухамъ, г-жа Гранцова имѣла громадный успѣхъ; петербургскіе балетоманы и тутъ не забыли свою любимицу и поднесли ей великолѣпный букетъ, заказанный въ Ниццѣ у Альфонса Карра; при букетѣ была телеграмма слѣдующаго содержанія: «Acceptez ce bouquet, comme faible temoignage de l'admiration profonde de vos sinceres admirateurs du Nord».

Въ газету «Сѣверная почта» пишутъ изъ Берлина: «Перломъ и въиномъ нѣмецкаго переводнаго искусства считался до сихъ поръ переводъ драмъ Шекспира, сдѣланный Шлегелемъ и Тикомъ, и въ теченіе долгаго времени сочли бы забавной дерзостью, если бы кто-нибудь захотѣлъ состязаться съ этимъ переводомъ. Но постепенно укрѣпились силы и развитіе искусства. Значительное число поэтовъ проявило невѣдомое прежде искусство владѣть языкомъ. Назову изъ нихъ только Боденштедта, Фрейлиграта, Гильдемейстера, Зегера, Лордана, Зимрока. Въ то же время сдѣлали большіе успѣхи критика и толкованіе Шекспира, такъ что многое въ переводѣ Шлегеля было признано рѣшительно невѣрнымъ. Такимъ образомъ возникла мысль сдѣлать новый переводъ, и предприняты были уже не одинъ, а цѣлыхъ два перевода, одинъ отъ книжной торговли Брокгауза въ Лейпцигѣ, подъ руководствомъ Боденштедта, другой отъ библиографическаго института въ Гильдбурггаузенѣ, и, чтобы не отстать отъ другихъ, книжная торговля Кетты рѣшилась изготовить новую обработку перевода Шлегеля и Тика».

Въ Русскій Инвалльдъ пишутъ изъ Парижа: Здѣсь, на театрѣ Gaité, гдѣ обыкновенно даются драмы съ «великолѣпнымъ спектаклемъ», процвѣтаетъ американская артистка miss Isaacs Menken, или, какъ французы уже прозвали ее, miss Adada Mannequin! Эта американская дѣвица изображаетъ въ драмѣ «Les pirates de la Savanne» молодого мексиканца Лео—нѣмую роль, и въ концѣ пѣсы производитъ каждый вечеръ la course de Mazerre, т. е. въ совершенно-обнаженномъ видѣ, привязанная навзничъ къ лошади, скачетъ по сценѣ и взбирается на скалу. Парижане все еще не мо-

гуть насытиться этимъ зрѣлищемъ! Разъ миссъ Менкенъ уже разбила себѣ лобъ и високъ; всѣ ожидаютъ, вѣроятно, повторенія, и въ ожиданіи раскупаютъ карточки неустрашимой американки, гдѣ она представлена совсѣмъ «какъ есть», ибо на фотографіи трико отъ голаго тѣла отличить трудно. Такъ вотъ эта самая миссъ Менкенъ вошла въ дружбу съ Дюма-отцомъ. Онъ, вслѣдствіе экзотической страстности своего темперамента, до сихъ поръ, не смотря на преклонныя лѣта, еще очень падокъ къ прелестямъ дочерей Евы. Мало того, что американская артистка возбуждала въ немъ желаніе написать для нея піесу; но они отправились фотографироваться къ нѣкому фотографу Либеру, и объективное солнце изобразило знаменитаго романиста въ соблазнительной позѣ около неустрашимой наездницы. Фотографъ, разумѣется, выставилъ карточки и началъ ихъ продавать. Дюма по-

чему-то оскорбился и затѣялъ съ нимъ процессъ, доказывая, что онъ никогда не давалъ фотографу права продавать этой *интимной* группы, на что фотографъ приводилъ прогивныя доказательства: онъ сдѣлалъ для Дюма и миссъ Менкенъ нѣсколько портретовъ даромъ за право промышлять остальными, и эта контрибуція внесена была въ его книгу. Судъ еще не положилъ окончательнаго рѣшенія.

НЕКРОЛОГЪ.

Изъ Парижа извѣщаютъ, что тамъ скончался, послѣ кратковременной болѣзни, бывший директоръ императорскихъ театровъ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ *Александръ Михайловичъ Геденъ*.

Ред. А. Баженовъ. Изд. И. Смирнова. (Ред. на Молчановкѣ, въ Голенинскомъ пер., въ д. Дурновой).

ЧАСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЦѢЛЕБНЫЙ ИСТОЧНИКЪ ЗДОРОВЬЯ,

ДОМАШНІЙ ЛѢЧЕБНИКЪ,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ

ВРАЧЕБНЫЯ СРЕДСТВА И НАСТАВЛЕНІЯ СОХРАНЯТЬ ЗДОРОВЬЕ,

УЗНАВАТЬ И ЛѢЧИТЬ БОЛѢЗНИ БЕЗЪ ПОСОБІЯ ДОКТОРА И АПТЕКИ

дѣйствительно простыми домашними и испытанными средствами,

съ присовокупленіемъ наставленій находить полезныя травы, корни, корки и проч., и отличать ихъ отъ бесполезныхъ и готовить изъ нихъ домашнимъ образомъ лѣкарства, микстуры, пластыри, настои, рвотныя, слабительныя, потогонныя и проч. и проч.

ДЛЯ ЧЕГО И ПРИЛОЖЕНО КЪ КНИГѢ

ДО ПЯТИДЕСЯТИ ПОЛИТИПАЖНЫХЪ РИСУНКОВЪ,

Составленъ Обществомъ Московскихъ врачей.

М. 1867 г. Цѣна 2 руб. въ хорошемъ коленкоровомъ и шагреневомъ переплетѣ 3 руб. сер. съ пересылкой.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. СОЛОВЬЕВА на Страстномъ бульварѣ, — А. И. ГЛАЗУНОВА на Кузнецкомъ мосту, — О. И. САЛАЕВА, А. И. МАНУХИНА, С. И. ЛЕУХИНА, Д. И. ПРѢСНОВА на Никольской улицѣ, — Г. К. ЛЕДЕНЕВА на Моховой улицѣ противъ Университета, въ книжной лавкѣ подъ фирмой «РУССКАЯ ГРАМОТА» и въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ на Никольской улицѣ (ИВ. ИВ. СМЕРНОВА).